

УДК 82.09

**«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» В УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ СЕРГЕЯ МАКАШИНА
(Часть 1)**

*Запись, расшифровка и сверка с фонозаписью М.В.Радзишевской,
подготовка текста Д.В. Радзишевского, комментарии М.А.Фролова.*

Аннотация. Второй раздел публикации включает фрагменты устных воспоминаний С.А.Макашина, записанных и расшифрованных М.В.Радзишевской. Для публикации нами отобраны именно те фрагменты, в которых Макашин говорит об истории собирания архивных материалов, а также об обстоятельствах подготовки и издания целого ряда томов «Литературного Наследства», о наиболее значительных эпизодах судьбы редакции.

Ключевые слова: литературоведение, «Литературное Наследство», С.А.Макашин.

<Фрагмент третьей беседы с С.А.Макашиным, 24 февраля 1985 года>

<...> Мой первый разговор с Зильберштейном закончился так: он говорит: «Будете работать, я вам что-то буду платить из гонораров (поскольку в штат меня нельзя было взять). Вот, что вы можете сделать?». Ну, я уже тогда занимался Щедриным. Я сказал, что, вот, могу написать такой обзор: «Судьба литературного наследства Салтыкова-Щедрина». – «Что туда войдет?». Я говорю: «Что туда войдет? Войдет, во-первых, список тех материалов, которые совершенно не изданы, которые хранятся, в основном, в Пушкинском доме в Ленинграде, остатки его архива...». Потому что не все там сохранилось после того, как его дочь уехала за границу. После Февральской революции квартиру заняли матросы, попросту говоря, много искурили этих бумаг – трагическая судьба была [1]. Но много было не издано. С другой стороны, было многое издано в «Отечественных записках», в других изданиях, которое не вошло в старое издание, тогда другого издания не было, марксовское издание [2]. Ему эта идея понравилась. «Ну, а еще публиковать что?». Я сказал: «Ну, есть такой рассказ “Испорченные дети” очень хороший, который можно

подготовить». Рассказ «Испорченные дети» появился в первой же книжке издания «Литературного наследства» (я повторяю, я в «Литературном наследстве» с самых первых, так сказать, шагов), а вот «Судьба литературного наследства», большой обзор, он не появился [3]<...>

Потом был у меня интересный очень замысел, он наполовину только осуществился тогда: я задумал две анкеты. Одну анкету: «Современные революционеры о Щедрина», вернее, не «современные» революционеры, а как раз революционеры его эпохи, щедринской. Их тогда было очень много в живых, в 31-м году, было много народников, деятелей «Народной Воли», была жива Вера Николаевна Фигнер, Морозов Николай Александрович был жив, Якимова – те, которые составляли, так сказать, центр «Народной Воли» [4]. А вторая: «Писатели о Щедрина» <...>

Значит, анкета с революционерами, она была напечатана, а вот анкету писателей... Авербах запретил печатать. Он сказал: «Что вы набрали попутчиков?»

<...>

Был у Леопольда Авербаха помощник, такой Ипполит Ситковский, тоже рапповец. В отличие от Авербаха, который как-то все-таки с открытой душой относился, так сказать, к людям, Ипполит Ситковский был человек какой-то замкнутый, очень осторожный, никакого чувства симпатии у него я не пробудил к себе. Я совершенно случайно, зайдя в редакцию, увидел свою, она уже была набрана, статья... с его указанием, что печатать нельзя, мол, человек был под арестом, как можно печатать его статью и так далее. Но Авербах, узнав, очевидно, что интересуются Салтыковым-Щедриным и готовится собрание сочинений Щедрина под редакцией Михаила Степановича Ольминского... Вы, вероятно, знаете, кто такой Ольминский, это старейший большевик, бывший народоволец. Он самый старый из большевиков, был старше Ленина, старше Сталина, конечно, он жил в Кремле... И вот Авербах переслал эти набранные корректуры Ольминскому. И тут произошло одно из чудес моей жизни, когда вдруг позвонили по телефону в редакцию, попросили меня и сказали, что я приглашаюсь в Кремль.

<...>

Но это, конечно, сыграло большую роль в моей жизни не только потому, что мой обзор сразу же был напечатан, он напечатан в третьей книжке «Литературного наследства» [5], хотя, повторяю, предназначался для первой, и почему-то, по досадному недоразумению, он пропущен в главной библиографии по Щедрина, которую составлял Баскаков, библиографию литературы о Щедрина, вот там вы его не найдете, он пропущен [6]. Может, это было связано с моим именем тогда еще, вскоре после ареста, хотя вряд ли, потому что библиография вышла значительно позже <...> Но самое главное, то, что я просил Михаила Степановича помочь мне с моей идеей, которая сразу же возникла: издать щедринский том или щедринские тома «Литературного наследства», то есть

издать то, что было совсем не издано, и вообще собрать, так сказать, биографический материал, который не мог войти в собрание сочинений.

Ну, Михаил Степанович позвонил по телефону или написал, я уже не помню, Авербаху, Авербах позвонил мне и сказал: «Делайте щедринские тома» [7] <...>

Я, конечно, сейчас же пригласил к участию в этом томе Иванова-Разумника. Он жил тогда в Царском Селе, в Детском Селе, и только что вышла тогда первая его книга, такого же типа, как моя, но на меньшем, конечно, материале (он не располагал всем тем материалом, которым я потом располагал), но примерно такого же типа, то есть сочетание и жизнеописания, в собственном смысле слова, и творчества. Доведено это было только до начала 60-х годов [8].

Я обратился к нему. У нас были разговоры с ним. Я раза три приезжал к нему в Детское Село. И он передал мне для публикации вместе с другими материалами одну из ценнейших рукописей, корректур под названием «Современные призраки». Эта статья, которая предназначалась Салтыковым для «Отечественных записок», для одного из номеров 1863–1864 годов. Ну, это работа, которая, говоря научным языком, *fundamento universales*, это основа основ для понимания мировоззрения Щедрина, во всяком случае, в области философии истории <...>

Вот это была совершенно замечательная статья, которая, конечно, впервые раскрыла одну из фундаментальных граней мировоззрения Щедрина. Она была очень сложная, я не сразу понял. И, когда я приехал из Ленинграда с этой статьей, я уже здесь узнал, что буквально на другой день после моего приезда, Иванов-Разумник был арестован и выслан в Саратов [9]. Такая либеральная ссылка была, там Рязанов был тогда, в одном особняке они жили, я к нему ездил тоже, директор Института марксизма-ленинизма... Но печатать его было нельзя. Это было запрещено. И тогда я обратился <...> к Луначарскому, поехал к нему, сказал: «Анатолий Васильевич, вот есть такая замечательная статья». – «Ну, оставьте, я прочитаю». – «Некому писать». Он говорит: «Я писать не могу, потому что меня торопят, я получил назначение послом в Испанию, и я на днях уезжаю, у меня просто для этого нет времени, но прочитать я прочитаю». Он меня вызвал через дня три и в течение минут десяти – пятнадцати он мне растолковывал эту статью <...> Я говорю: «Анатолий Васильевич, что же лучше. Давайте это, то, что вы сказали, это и будет хорошо». Но он... у него был ужасный почерк, поэтому он обычно не писал свои статьи, он диктовал стенографистке. Он вызвал (при мне же, распорядился) стенографистку – через три дня с его поправками статья была у нас. Она небольшая статья, она напечатана. Я считаю, что это одна из лучших статей, хотя она очень, так сказать, небольшая [10]<...>

Второе, что интересно вспомнить в связи со щедринскими томами: была такая сотрудница, она потом была арестована тоже, потом вернулась, но тогда еще, так сказать, существовало... Макарова в Пушкинском Доме. Она много работала над словарем цитат Щедрина у Ленина и составила своего рода такой толковый, очень хороший словарь, с аннотациями, и подсчитала другие цитаты, и вышло таким образом, что Щедрин по количеству цитат из всех русских

классиков стоит на первом месте, на втором месте стоит Грибоедов и Крылов, всё сатирики, а Пушкин, Толстой... А тут было что-то такое около 260-ти, около 300 цитат, а уже у Крылова только тридцать и так далее...

Ну, нужно было дать предисловие, она это не смогла дать, мы это забраковали как неудачное. Я обратился к относительно молодой тогда Нечкиной, теперешнему академику, Милице Васильевне, мы с ней казанцы, так что она меня хорошо знала. Но она увлекающийся человек, потом это была эпоха догматических культовых статей: она сделала неправильный вывод, хотя она стоит и теперь на этой позиции, что, поскольку на первом месте из всей русской классики Ленин выбирал Щедрина – это его любимый писатель. Этот тезис был в тридцатые годы очень распространен, причем это распространили на Сталина, что это любимый писатель и Сталина, поэтому в тридцатые годы они были завалены огромным количеством диссертаций по Щедрину, все печаталось и так далее, и так далее. Совсем не так, как теперь, когда Щедрин как-то забыт. Вот и по моей книжке [11]... как-то ни рецензий, ничего нет, нет интереса. Тогда все было по-другому [12]<...>

Первый том снабжен большой вступительной статьей редакционной. Статью эту писал я, но я не могу считать себя на все сто процентов ее автором, потому что в редколлегию вступил молодой тогда еще талантливый историк Парадизов, ученик Невского Владимира Ивановича... Я никогда не встречал, так сказать, более пламенных революционеров, более страстных революционеров, верящих в революцию и аскетов, чем он [13]<...> Между прочим, когда Горький пригласил его участвовать в «Фабриках и заводах» [14], а он меня привлек к этому делу, и как мы с ним вместе поехали в Ленинград, нам дали билеты на «Красную стрелу» (тогда начала ходить), он тут же пошел вместе со мной и поменял билеты на простой поезд, не хотел... Когда мы приехали, нам дали какую-то «Европейскую» гостиницу, шикарный номер с медвежьими шкурами, он запросил простой номер. Вот такой был человек. Он отказывался от этих обедов в «Метрополе», которыми нас угощали во время перерывов. Такой был аскет. Он тогда Щедриным не занимался, от меня заинтересовался, он мне помог понять Щедрина, отдельные формулировки, которые там, так сказать, есть. И в частности, там у меня было написано так... Были статьи, которые не совпадали по мировоззрению, по точкам зрения, некоторые... В частности, там была очень левацкая статья Любовь Исааковны Аксельрод-Ортодокс, которая пыталась доказать, что Щедрин, конечно, шел к марксизму, что он уже понимал классовую борьбу и так далее, что, разумеется, было неверно. И я об этом написал в статье. Там есть такая фраза, что «до тех пор, пока Щедрин не изучен (а изучение Щедрина тогда только начиналось), научно не осмыслен, то было бы преждевременно прикреплять его к какой-то партийной одной группе и так далее, и так далее [15].

Я так устал с этим, так сказать, томом, что, подготовив материал для второй книги, уехал отдыхать в Крым. Ну, и вот меня вызывают, понимаете, с Крыма, вызывает как раз эта Мария Моисеевна Эссен [16], в Доме правительства она жила, и мы жили тогда рядом, на Якиманке, и там я вижу Зиновьев, Григорий... забыл, как его, ну, неважно, тот самый Зиновьев... Да, я забыл вам сказать, почему, так сказать, Зиновьев появился. Авербах как-то мне позвонил, для первой

книги, и сказал, что нужно как-то, несмотря на народников... вот, «народники», «народники», но кроме народников еще Ленин, большевики занимались, увлекались Щедриным, Воровский о нем писал, социал-демократы... Не могли бы вы написать такую статью? Я говорю: «Мне это очень трудно, конечно, но попытаюсь». Я сделал кое-какие наброски. Авербах посмотрел и сказал: «Знаете что? Я думаю, что вы на меня не обидитесь... Вы молодой человек, у вас все впереди... У вас здесь очень интересный подобран материал, но нет концепции, обобщения. Знаете, пусть Григорий Алексеевич Зиновьев сделает нам материал. Он вас упомянет где-нибудь и всё...». А Зиновьев тогда только что вернулся из первой полуссылки, но вернулся с почетом, потому что он редактировал тогда сразу журнал «Коммунист», или «Большевик» он тогда назывался, «Большевик», ну, рядом с ними, где теперешние «Известия». Я пошел к нему с этими материалами, он меня принял, попросил прийти к нему на квартиру, на Арбате он тогда жил. Сказал: «Да, материал интересный, но статьи тут, конечно, нет...». В общем, он написал статью на тех материалах, которые я собирал. Раза два-три я у него бывал [17]<...>

М<акашин>: Значит, щедринский том – это первые две книги, это первых два тома Щедрина, которые, так сказать, целиком принадлежат моей инициативе, моей редакции.

КОММЕНТАРИИ

[1] Салтыкова-Щедрина Елизавета Михайловна (в 1-м браке бар. Дистерло, во 2-м маркиза де Пассано; 1873–1927), дочь писателя, эмигрировала вместе с мужем и сыном в 1917 году. О печальной судьбе архива писал в 1934 году на страницах «Литературного Наследства» Н.В. Яковлев: «После смерти Салтыкова архив остался в его семье сначала у жены, затем у дочери. Но по-видимому большая часть рукописей произведений перешла постепенно к М.М. Стасюлевичу и в дальнейшем сохранялась уже в составе его архива. Кроме Стасюлевича с архивом знакомились и другие члены редакции «Вестника Европы», прежде всего А.К. Пыпин и К.К. Арсеньев, а также вероятно В.И. Лихачев и Н.К. Михайловский в связи с предположениями вдовы Е.А. Салтыковой об издании действительно полного собрания сочинений Щедрина. Позднее некоторая часть щедринских рукописей осела по-видимому и в архиве К.К. Арсеньева. Еще позднее к: обеим этим частям – Стасюлевича и Арсеньева – имели доступ члены «молодой редакции» «Вестника Европы» вроде М. Славинского, а также исследователь Щедрина В.К. Кранихфельд. Возможно, что последний имел и личные сношения с Е.А. Салтыковой по поводу оставшейся у ней части рукописей Щедрина. А у ней действительно оставалась некоторая часть, перешедшая затем к дочери Е.М. Салтыковой де Пассано. Что касается других материалов архива, то они также не лежали совершенно без движения. Известно например, что после смерти А.М. Унковского его жена и Е.А. Салтыкова обменялись письмами своих мужей и взаимно предали их сожжению. Основанием к этому послужил чересчур интимный характер этих писем <...> Наконец нельзя было бы вполне рассчитывать на желание семьи сохранить целиком письма к Щедрину писателей и читателей. Так с самого момента смерти значительная часть приветственных адресов и телеграмм осталась в распоряжении редакции «Вестника Европы»,

сохраняясь затем в архивах Стасюлевича и Пыпина. Неопределенная часть писем и адресов продолжала храниться в семье – у жены и дочери. Дочь Щедрина Елизавета Михайловна Салтыкова вскоре после Февральской революции выехала за границу вместе с мужем и сыном и уже более не возвращалась. Квартира ее оставалась сначала под надзором прислуги, а затем была просто брошена на произвол судьбы. Зная характер К.М. Салтыкова, нельзя было ожидать, что он позаботится об охране архива отца. Еще мальчиком, сразу после смерти Щедрина, завещавшего сыну «паче всего любить русскую литературу», Константин Михайлович проявил свой интерес к русской литературе тем, что выбрал книги с автографами писателей и продал их букинисту (из записных книжек Л.Ф. Пантелеева). В результате квартира оказалась в распоряжении случайно поселившихся в ней людей, и архив постигла обычная судьба: часть его пошла на растопку, часть была выброшена в один из нежилых углов большой квартиры и там была полусасыпана обрушившейся с потолка штукатуркой и подмочена водою, протекавшей сверху. При быстрой смене случайных жильцов среди них оказались наконец и более культурные: провинциальные студенты-техники. Они заинтересовались материалами, часть их собрали и даже подклеили некоторые рукописи (хотя и с ошибками). Но когда пишущий эти строки в начале 1920 г. занялся вопросом о салтыковском архиве и между прочим обследовал и квартиру Е.М. Салтыковой, то в ней обнаружил в описанном выше углу род штукатуркой и рукописи, и письма, и другие материалы. Остальное, собранное студентами, было тут же передано ими. У других комнатных жильцов квартиры и в других квартирах того же дома оказались в пользовании портреты и некоторые предметы обстановки Щедрина. Правда, известный большой портрет работы Ге оказался исчезнувшим так же, как из квартиры Унковских исчез большой портрет А.М. Унковского работы Ярошенко, а архивом его отапливались чуть не целый год случайные жильцы квартиры» (Судьба рукописей Щедрина: I. Яковлев Н. Личный архив Щедрина // Литературное Наследство. Т. 13-14. С. 584-585).

[2] См.: Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Изд. 5-е. С «Материалами для биографии М.Е. Салтыкова» К.К. Арсеньева и с двумя портр. М.Е. Салтыкова. В 12 т. В 40 кн. СПб.: А.Ф. Маркс, 1905-1906 (Прил. к журн. «Нива» на 1905-1906 г.).

[3] См. примеч. 137 и 20 к разделу I.

[4] См. примеч. 101 к разделу I.

[5] Макашин С. Судьба литературного наследства М.Е. Салтыкова-Щедрина // Литературное Наследство. Т. 3. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. С. 281–308.

[6] Библиография литературы о М.Е. Салтыкове-Щедрине. 1918–1965. Сост. В.Н. Баскаков. М.; Л.: Наука, 1966.

[7] Ольминский (наст. фам. Александров) Михаил Степанович (1863–1933), деятель революционного движения, литератор. Ср. рассказ об участии Ольминского в судьбе

«Щедринского» двухтомника и, в частности, статьи Макашина, в его воспоминаниях: «В качестве главного редактора И. Ипполит запретил печатание моего уже набранного и сверстанного обзора. Причина запрещения заключалась в том, что я был недавно репрессирован. Ф. Раскольников был против такого решения, Л. Авербах колебался и задумал посоветоваться с М. Ольминским... Ему и был послан мой обзор. Не только эмоциональные, но и практические результаты первой же встречи с М. Ольминским оказались весьма значительными для меня. Во-первых, Михаил Степанович высоко оценил мою работу... и тем снял наложенный на нее И. Ипполитом запрет. Обзор был напечатан в ближайшем же, 3-м номере „Литературного наследства” (вышел в свет летом 1932 года). Во-вторых, был одобрен возникший у меня замысел специального „Щедринского” тома (в ходе работы он скоро превратился в два «Щедринских» тома)» (Макашин С. Изучая Щедрина (Из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 131-132, 133).

[8] См.: Иванов-Разумник. М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч. 1. 1826-1868. М.: Федерация, 1930. Иванов-Разумник Разумник Васильевич (наст. фам. Иванов; 1878–1946), литературовед, критик, публицист.

[9] Иванов-Разумник был арестован в Детском Селе (впоследствии – город Пушкин) в ночь со 2 на 3 февраля 1933 года (содержался в Бутырской тюрьме, в Лубянском изоляторе, в ДПЗ в Ленинграде), в мае ему был вынесен приговор – 3 года ссылки в Новосибирск. В ноябре того же года, спустя два месяца после освобождения из Новосибирской тюрьмы, переводится в Саратов, где находится в ссылке до весны 1936 года (См.: Иванов-Разумник. Писательские судьбы; Тюрьмы и ссылки / Сост., вступ. ст. В.Г. Белоуса. М.: Новое литературное обозрение, 2000).

[10] Об упомянутых публикациях Иванова-Разумника и Луначарского см. примеч. 99 к разделу I.

[11] Макашин, вероятно, упоминает вышедшие к моменту беседы тома написанной им биографии писателя: Салтыков-Щедрин. Биография. I. М.: ГИХЛ, 1949 (2-е изд.: 1951); Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-1860 годов. Биография. М.: Художественная литература, 1972; Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-1870-е годы. Биография. М.: Художественная литература, 1984.

[12] О публикациях Е.М. Макаровой и М.В. Нечкиной см. примеч. 99 к разделу I. Макарова Екатерина Михайловна (1900–1960), специалист по русской литературе XIX в., библиограф. Нечкина Милица Васильевна (1899–1985), историк, специалист по общественной истории и литературе России XIX в.

[13] См. примеч. 140 к разделу I.

[14] «История фабрик и заводов» – название серии книг, основанной М. Горьким в 1931 году. За семь первых лет вышло 12 номеров методического бюллетеня «История заводов» и около 250 книг.

[15] См.: Аксельрод-Ортодокс Л. К вопросу о мировоззрении Щедрина // Литературное Наследство. Т. 11-12. С. 533–544. Об этой статье Макашин писал в предисловии «От редакции»: «В силу конкретно-исторических условий своей эпохи и личной биографии Щедрин не был, не мог быть тем, за кого его выдает Аксельрод-Ортодокс. Следует также указать, что основной вопрос статьи, вопрос о типе общего направления философского мирозерцания Салтыкова и его истоках, не может быть разрешен без детализированного определения, какой же из оттенков французского утопического социализма (а их было несколько), оказал в 40-е годы решающее воздействие на Салтыкова? Вопрос этот неясен до сих пор. Ответа на него не дает к сожалению я данная статья. Оговаривая спорность многих положений, выдвинутых в статье Л.И. Аксельрод-Ортодокс, редакция однако считает ее работу безусловно интересной и ценной в отдельных своих наблюдениях и деталях (Там же. С. XIV).

[16] Эссен Мария Моисеевна (1872–1956), деятель революционного движения, соратница Ленина, член РСДРП с 1898 г., в 1933-1942 гг. – сотрудник Гослитиздата.

[17] См. примеч. 146 к разделу I. В 1934 году Зиновьев был членом редколлегии журнала «Большевик».

© Макашин С.А., наследники, 2015.

© Фролов М.А., комментарии 2015.

Материал поступил в редакцию 10.08.2015.

‘LITERARY HERITAGE’ IN THE ORAL MEMORIES OF SERGEI MAKASHIN

(PART 1)

*Recording, decoding and verification with phonorecording by M.Radzishvskaya,
preparation of the text by D.Radzishvsky, comments by M.Frolov.*

Abstract. The second section of the publication includes the fragments of S.A.Makashin’s oral memories, which recorded and transcribed by M.V.Radzishvskaya. For publication we have chosen selected precisely those fragments which include Makashin’s stories about the history of collecting archival materials, the most significant episodes of the fate of the editorial office, as well as the circumstances of the preparation and publication of a number of volumes of the 'Literary Heritage'.

Key words: literature, Literary Heritage, S.A.Makashin.